

Список литературы

1. *Бердяев Н.А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии // Самопознание. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 19–340.
2. *Парамонов Б.М.* К пониманию Запада. Пантеон: демократия как религиозная проблема // Конец стиля. – СПб: Алетейя; М.: Аграф, 1997. – С. 195–196.

УДК 215**РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА**

С.А. Титаренко
Ростов-на-Дону, Россия

В современной культуре возрождается интерес к обсуждению мировоззренческих проблем с религиозных позиций, что позволяет говорить о ренессансе философии «Серебряного века». А это делает актуальным обращение к творцам этого направления. В рамках этого устремления мы и предлагаем рассмотреть духовные истоки религиозной философии Бердяева, что может нам дать ключ к пониманию духовных коллизий современной культуры. Мы полагаем, что та модернизация христианской религии, которую проводил Бердяев с позиций философии, была осуществлена именно с гностических позиций. При этом под гностицизмом здесь понимается не просто следование давним гностическим системам, хотя элементы такого следования явно прослеживаются, и не преемственность идей таких философов как Шеллинг и Соловьёв, которые сами опирались на гностические интерпретации, а попытка из недр культурного самосознания, рационалистического по устоявшейся в ней форме сознания, выдвинуть новое решение религиозных проблем. Этот вопрос не о самой возможности религиозной философии как попытке прояснить философскими средствами существо обсуждаемых религиозных проблем, а вопрос о перенесении выводов философии в религиозную проблематику, вопрос о переоценке религии с позиций культуры. Сторонниками некритичного отношения к позитивному решению этого вопроса у Бердяева были такие его современники как католик К. Пфлегер и протестант Э. Порре. Они полагали, что гностический элемент допустим с точки зрения православной доктрины, и поскольку православие является признанной конфессией, постольку православный гнозис Бердяева не является еретическим. Более того, уже современный православный теолог М. Бергос считает, что философский дискурс Бердяева подтверждает конструктивность использования духа греческой патристики к решению современных религиозных проблем. Критиками Бердяева выступили Е. Лундберг, С. Булгаков, Л. Шестов, Ж. Маритен, М. Лот-Бородина. Все они указывали на недопустимость привнесения собственно-человеческих начинаний в религиозные духовные конструкты, заключающиеся в познании откровения. Это и расценивалось ими как гностический уклон, недопустимый с позиций христианства. Неоднозначность оценок заставляет нас обратиться к прояснению определения статуса религиозной философии у Бердяева.

В рамках самосознания культуры 2-й половины XIX века было осознано, что традиционно выработанными рационалистическими средствами невозмож-

но определить сущность человека. Непрояснённая сущность привела к девальвации ценности человека, который является генератором культуры. Сведение человека к социуму в позитивизме и марксизме, к мировому волевому началу в философии жизни ставило под сомнение существование культуры как таковой. Попытка найти выход из этой ситуации была сделана различными теософскими направлениями. Ценность человека, а значит и творимой им культуры, обосновывалась наличием особого трансцендентного плана бытия, к которому имеет приобщение человек. Тем самым человек освобождался от власти наличной окружающей действительности. Однако это не ставило его в центр вселенского бытия. В русском самосознании рубежа XIX–XX веков была сделана попытка объяснения трансцендентной реальности с позиций христианства. Эта реальность при этом приближалась к человеку, делалась имманентной ему. Именно идея Богочеловечества как идея реального участия человека в Божественном существовании, фундировала его центральный статус в мировом бытии. Однако решённый таким образом вопрос о статусе человека в мировом бытии приводил к постановке нового вопроса о статусе человека в предстоянии Богу. Традиционное христианство так решило этот вопрос. Человек должен обратиться к Богу и, уповая на благодать, переводить высшие истины в земной мир, стремясь к неземному. В русской философии была сделана попытка сблизить неземное с земным и тем самым возвысить статус человека. Таким образом, гуманистическая идея центральности человека в мировом бытии была привнесена в христианство, создавая новое течение – христианский гуманизм. В философии Бердяева это и проявлялось в его идее религиозной философии, которая была заменой традиционной религии новой формой видения, сочетавшей мистику и творчество. Под мистикой здесь прежде всего понимается именно человеческое приобщение божественному, соучастие его в Божестве, а под творчеством – реализация этого соучастия в окружающем мире. Говоря о пророческой мистике, как самом прогрессивном её виде, он заявляет о предвещании в ней конечного преображения мира, а о подлинном творчестве как о реальном соучастии человека в божественном творении мира. Это свидетельствует о взаимобратимости духовных реалий мистики и творчества, их неразрывной связи в новом опыте. Так, поначалу не отрицая приоритетности божественного существования, Бердяев концентрировал своё внимание именно на человеческой сущности. Но эта самостоятельная сущность человека, его самобытность требовала выявления особого сущностного начала человека, позволяющего ему проявлять свою инаковость в отношении к Богу. Традиционно в христианстве отличие твари от Творца связывалось с её ничтожеством – творением «из ничто». Ничто здесь воспринималось как отрицательная характеристика, буквально как абсолютное отсутствие чего бы то ни было. Бердяев, желая возвысить статус человека, перетолковывает ничто, используя древнегреческий контекст этого понятия как изначального хаоса, являющегося источником изменений. Таким образом, ничто приобретает позитивную сущность. Поскольку именно ничто обосновывает самобытность человека, оно постулируется в качестве начала, которое необходимо Богу. Первоначально до 1928 г. это начало имело свой исток в тёмной основе самого Божества, являясь его реализацией в творении. В российский период он ожидает скорого наступления конечного преображения мира. Ничто здесь входило в замысел творения, и постулировало свободный ответ человека Богу. С 1922 по 1928 г. прослеживается переосмысление. Ничто не избрало путь согласия с Богом, а значит, Он и не несёт ответственности за него и то зло, которое вытекает из его проявлений. Ничто имеет внебожественный исток. Но вместе с тем, несмотря на его отрицательные

проявления оно необходимо Богу, ведь Ему необходим самобытный человек, конституирующий свою самобытность «из ничто». Замечание Лот-Бородиной Бердяеву в том, что ничто является не Божественным, а человеческим, встречает его созвучие. Именно оно конституирует самобытность человека. А упрёк Маритена, в том, что об этом начале нет ничего в откровении, находит ответ, что этого и не нужно, ведь это начало может раскрыть человек как сущность, принадлежащую именно ему. Роль Бога заключается в помощи в момент создания, когда человек участвует даром творчества и в актах благодати, когда в согласии с Богом человек получает благодатную помощь в реализации своего творческого предназначения.

Бердяев считал, что Божественный процесс отражается в земном мире, и гуманизм является очередным этапом раскрытия Божества, этапом раскрытия его человечности. Однако катаклизмы истории, усиление зла в мире разрушили его веру в благоприятный исход гуманизма. Зло здесь уже свидетельствовало о Богооставленности мира. Поскольку именно человек является посредником между Богом и миром, то эта богооставленность связана с ним. Возвышая человека, Бердяев начинает радикально обличать проявляемое им зло. Концепция объективации и есть объяснение сущности зла в мире. Таким образом, в радикальной богочеловеческой борьбе со злом центральным агентом действия оказывается человек. А раз так, то именно культурные формы, а не религия, являются адекватной формой духовности в современном мире. Религия перерастает в культуру, становясь религиозной философией, вера – в творчество. А это и есть гностицизм как попытка перенести приоритет в богообщении от Бога к человеку. Человек достигает Бога, прежде всего не по милости благодати, а в силу свободы личного духа – гнозиса. Это приводит к тому, что человек становится реальной божественной сущностью на земле, христианство из-за гностической прививки перерастает в антропотейзм. И хотя Бердяев заявляет о богочеловеческом характере творчества, именно его свобода, имеющая приоритет, отдаёт приоритет человеку.

УДК 113

КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЯЗЫКА В «ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ» С. Н. БУЛГАКОВА*

Ж.Л. Океанская
Иваново, Россия

В контексте отечественной православной мысли Нового времени С.Н.Булгаков в существенных чертах завершает дело, начатое А.С.Хомяковым, а именно – реставрацию онтолого-метафизических оснований человеческого сознания и космологической реальности, утраченных в результате общеантропологического кризиса и Востока, и Запада.

«Философия имени» в целостном своём замысле может быть понята как радикальное возвращение онтологических оснований языку. Булгаков сразу же указывает на трансцендентность самих оснований словесной реальности по отношению к возможностям её как лингвистико-филологического, так и тради-